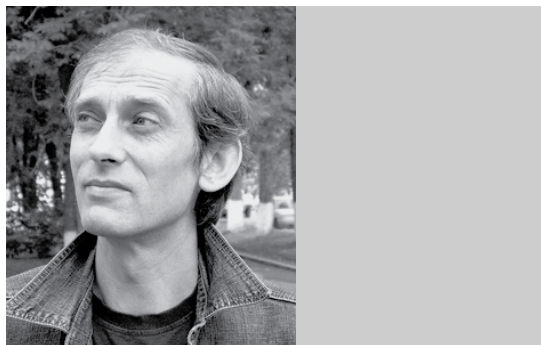

Аркадий Застырец

Застырец Аркадий Валерьевич родился 10.06.1959 в Свердловске. В 1981 г. окончил философский факультет УрГУ. С 1981 по 1988 г. преподавал историю и обществоведение в средней школе. С 1988 г. – корреспондент, с 1992-го – главный редактор газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала». С 2003 г. – заместитель главного редактора, а с 2006-го – главный редактор еженедельника «Городские куранты» (Екатеринбург). С 2009 г. – главный редактор издательства «ОМТА» (Екатеринбург). Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Пентаграммы» (1994, 1000 экз.); «Волшебник, Отшельник и Шут» (1996, 500 экз.); «Deus Ex Machina» (1998, 200 экз.); «Вихри тепла» (2006, 300 экз.); «Онейрокритикон» (2010, 300 экз.); «Конкорды» (2010, 500 экз.), а также книги переводов «Франсуа Вийон. Прощание. Завещание. Стихотворения» (Екатеринбург, 1994, 1000 экз.), перевел стихи с английского и словенского языков. Автор книги прозы «Я просто Пушкин» (1999, 500 экз.) Известен как драматург: пьеса «Фауст навсегда», эксцентрическая комедия «Гамлет», ставшая основой либретто оперы В. Кобекина «Гамлет, принц датский, трагедия российская» (Театр имени К.С. Станиславского, Москва, 2009), философско-сатирическая комедия «Недорусь» (Екатеринбург, 2011), «Приручение строптивой» (Воронеж, 2012). В 2012 г. за книгу «Онейрокритикон» удостоен премии губернатора Свердловской области. Участник АСУП-1,2,3. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.З.

Традиции, направления, течения: традиции европейской поэзии нового времени, барочность, классика, акмеизм, модернизм, постмодернизм, метаметафоризм.

Основные имена влияния, переклички: Ф. Вийон, А. Пушкин, К. Батюшков, В. Маяковский, Б. Пастернак, А. Еременко, И. Жданов, Р. Тягунов.

Основные формальные приемы, используемые автором: ирония, широкие культурные аллюзии и реминисценции, метафора, оксюморонность, шутливость, буффонадность, гиперболола, гротеск, игровые стратегии, карнавализация, интертекстуальность, реконструкция и деконструкция прошлого, «лирический беспорядок», обращение, диалогизм, элегизм, апофазия, риторические приемы, плеоназм.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: война, оружие, героика прошлого, исторические персонажи и культурные герои, диалог с ними, звук, музыка, советское прошлое, кровь и плоть, красота, движение, термодинамика, надежда и тревога, небо, воздух, холод, снег, речь, полёт/«улет» (в т.ч. мысли) как метафора подлинного бытия, надтерриториальность, щедрость, витальность.

Творческая стратегия: «сшивание разорванного времени» через осуществленную в субъекте речи «тоску по мировой культуре», эстетическая оппозиция бытовому сознанию.

Динамика: стихи первого тома строятся более на виртуозных игровых началах, уравновешенных последовательной рефлексией, в стихах тома второго на первое место выходит тонкий и изящный лиризм, к ним близки стихи третьего тома – в них поэтическая модальность отличается большей степенью автобиографизма и автомифологизации лирического субъекта, философской насыщенностью, тонкостью огранки и эпической размашистостью, глубиной дыхания.

Коэффициент присутствия: 0,83

АВТОБИОГРАФИЯ.

КОРОТКОЕ САМООПИСАНИЕ

Моя любимая родилась в Свердловском институте охраны материнства и младенчества. Полгода спустя в той же самой родовой на свет появился я. Причем свет этот был вечерним: как все отважные люди, я выбрал для начала жизни конец дня – десять часов пополудни. Однако, вопреки «верной примете», храбреца из меня не получилось. А получился эдакий хоббит – трусоватый домосед, умеющий преувеличить в рассказах значительность испытаний и увлекательность приключений, испытанных в юности.

Оно и не удивительно: первые, летние, месяцы своей жизни я провел в собственном доме моего прадеда, в черно-золотых бревенчатых стенах, в ароматном и теплом саду, в густой траве под жасминовым кустом, куда вывалился из импровизированного гамака. Его соорудили из про-

Прадед, Аркадий Ильич Иванович,
начало XX века

Бабушка, Мария Аркадьевна Грачева,
1959 г.

стыни две мои несовершеннолетние и нерадивые тетки, и впоследствии я много раз слышал от них насмешливое уверение: мол, не стукнись я тогда головой о родимую землю, не пробудились бы во мне недюжинные способности.

Оно не удивительно еще и потому, что родители мои были бродячими артистами, и все детство (да и вся моя жизнь) делится на две неравновеликие части: долгое ожидание и непродолжительная ра-

дость от встреч и жизни с мамой и папой, которых я тем горячее любил и люблю. Отсюда в неосознаваемых глубинах моего организма, вероятно, и засело: «уезжать из дому плохо, возвращаться – хорошо, а лучше всего вообще не уезжать».

Воспитывали же меня, главным образом, прадед Аркадий Ильич и бабушка Мария Аркадьевна, оба по материнской линии, бабушка Клавдия Антоновна (папина мама) воспитывала меня эпизоди-

Слева моя тетка по отцу Светлана, папа Валерий Михайлович, мама Ирина Александровна Грачева на фоне дома, где я прожил первые 25 лет жизни

чески и страшно баловала. Бабушка Мария много читала мне вслух разных приключенческих книг. На пятом году я при помощи разрезной азбуки и сам научился читать. Причем сразу не по слогам и не по словам, а целыми законченными фразами, «с выражением». В детском садике, куда я угодил за год до школы, воспитательница ставила меня перед детьми, давала в руки какую-нибудь книжку потолще, а сама меж тем отлучалась по своим делам. Я читал, и дети слушали.

Прекрасным, удивительным и достойным преданной любви мне казался буквально каждый человек, которого я встречал в детстве. Ребенок, женщина, мужчина – мне было все равно, не говоря уж о социальном статусе, профессии и материальном достатке. Со временем эта влюбчивость одну за другой проигрывала битвы и сдавала позиции мизантропии, но война между ними не кончена до сих пор.

Я рос в уютной квартире с клопами, тараканами и морозными узорами изнутри на оконных стеклах.

Я рос в большом дворе с хулиганами, деревьями, кустами, клумбами, пчелами, шмелями, бесами, пожарными, горками, кочегаркой, стройками, дворником, лошадьми, задами хлебного и овощного магазинов.

Я рос в театре музыкальной комедии, где в кордебалете отплясывала моя тетка (одна из тех, по чьей милости я свалился на землю из простынного гамака), где в ту пору блистали Сытник и Виноградова, где я был бессмысленно и безответно влюблен в миниатюрных сестер Гофман, множество раз смотрел из оркестровой ямы «Принцессу цирка», «Анютины глазки», «Табачного капитана», «Черную березу» и почти все знал наизусть. Я рос в деревне Воронино близ Михайловского завода, зимой наслаждаясь печным жаром, вбираемым сквозь лист толстой фольги и темно-бурую овечью шкуру, а летом лазая по горам и лесам в погоне за первым поцелуем.

Я рос на Центральном колхозном рынке с деревянными ложками, точеными расписными копилками, уцененными товарами, бобами, горохом, грибами и ягодами.

Я рос на Центральном стадионе, полном мужчин в белых рубашках и женщин в ситцевых платьях, куда вечно проникал без билета – зимой на массовое катание, летом на футбол.

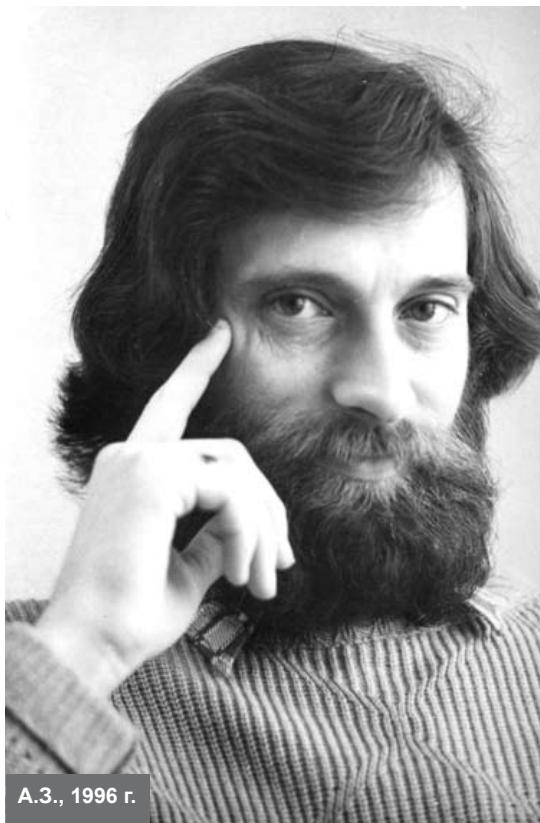
Я рос в Керчи, меж двух морей, страдая от мертвого вкуса опресненной воды, в Москве, где впервые в совершенно самостоятельном, но живом исполнении услышал музыку «Битлз», в Харькове, где в квартире моего деда, хотя и расположенной

Мама, Ирина Александровна Грачева, 1955 г.

А.З., 1964 г.

А.З., 1996 г.

Жена Лариса и дочь Тоня, 1984 г.

на втором этаже, был огромный подпол, набитый трехлитровыми банками солений и варений, а стены были увешаны тщательными копиями с картин великих мастеров, а еще – в Нарофоминске, Боровске, Старой Руссе, Калуге, Валдае, Туле, в гостиницах, пионерских лагерях и типовых детских садиках.

Я рос в Новгороде Великом, где видел 70 храмов, фрески Феофана Грека и Андрея Рублева и знал поляны, на которых можно было собирать чернику и вдоволь наесться ею – лежа в траве на боку!

Я рос на Оби, в водах которой научился плавать, и на Дону, который в том месте и в тот год можно было перейти пешком, и на Волге, где впервые в жизни ловил рыбу удочкой.

Я рос много еще где и в чем и как. И, коротко говоря, вырос. Окончил школу, поступил на философский факультет Уральского госуниверситета, третькурсником женился на однокласснице и родил дочь, по окончании университета семь лет проработал учителем истории и обществоведения, двадцать лет – в газетном деле, корреспондентом, выпускающим и главным редактором. Все время попадал в какую-нибудь поездку. Пермь, Челябинск, Томск, Новосибирск, Болгария, Румыния, Югославия, США, Нижний Тагил, Уфа, Рига, Тбилиси, Кемерово... и так далее, и далее, и далее.

Остаюсь преданным спокойной семейной жизни домоседом, обожающим жену, дочь и двоих внуков.

А теперь нечто совершенно другое.

Где-то в глубоком омуте застойных 1970-х, длинноволосым, слегка бородатым, влюбленным в музыку и собственное стихоплетство я заявился домой к Майе Никулиной, признанному поэту, члену Союза писателей и к тому же родной тетке моего одноклассника. В ярко освещенной комнате (в гостиной, а не на кухне, как вообще-то было принято в этом доме по обычным дням и ночам) с Майей чаевничали какие-то ее подружки или родственницы среднего возраста. Налили горячего чаю и мне, отчего я только гуще и мучительнее покраснел, готовый провалиться сквозь паркет, два этажа, подвал и всю уральскую литосферу. «Читай, что принес», – таков был с трудом разобраный мною смысл распоряжения хозяйки. «Как читать?! В присутствии этих непонятных дамочек?» – подумал я в панике, а вслух пробормотал что-то вроде «Прямо так?...» и – «подбадриваемый» веселым смехом и возгласами типа «Давай-давай! Не журись, хлопчик!» – принялся полным сладостных слез и отважного восторга голосом читать свои новейшие сочинения. Слушали меня долго. А я все читал и читал, стараясь не вникать в истинное значение тяжелых вздохов

А.З., А. Санников, Е. Ройзман, Е. Касимов, Ю. Казарин, 2004 г.

Майи и не слышать ее вердиктов вполголоса почти после каждого стишка: «Полная чушь», «Никуда не годится» и «Кошмар какой!»

Под утро, уже на кухне и наедине со мной Майя с листа дочитала вторую из двух моих тетрадей (в сумме более 300 стихотворений), отметила в качестве удачных несколько строк, а один стишок потребовала исполнить вслух. И пока я его читал, она, не скрывая, любовалась мною. «Если оно тебе зачем-то надо, может, что-нибудь и получится...», – без особого энтузиазма подвела она итог нашей первой встрече.

Засим три или четыре года я приносил на ее суд (и на суд любого человека, оказавшегося на ее кухне) каждое новое свое сочинение, а сочинял я едва ли не ежедневно.

Спустя полтора десятка лет вышла в свет моя первая книга «Пентаграммы». С несколькими экземплярами этой книги я полетел в г. Хобокен (США) по приглашению Стивенсовского техно-

логического университета, где принял участие в российско-американской конференции по современной поэзии – читал стихи и доклад о проблемах аутентичного поэтического перевода. Через две недели вернулся.

Сегодня по свету гуляет десяток моих книг, выпущенных разными, но одинаково невеликими тиражами, с тех пор я перевел все доступное пониманию стихотворное наследие Франсуа Вийона (французский поэт XV века), насочинял несколько оперных либретто и, кажется, восемь пьес для театра, написал книгу о вещах и веществах «Materies», роман в жанре фэнтези «Кровь и свет Галагара», великое множество научно-популярных, публицистических и журналистских материалов для газет и журналов, прочитал множество лекций студентам и школьникам... Всего и не упомнишь.

А теперь нечто совершенно другое... Но что именно, я пока не в точности знаю.